

Л. А. Пасешникова¹

К ВОПРОСУ О МЕСТЕ ИНСТИТУТА АКАДЕМИЧЕСКОЙ СВОБОДЫ В НАЦИОНАЛЬНОЙ И МЕЖДУНАРОДНОЙ СИСТЕМЕ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА

В современном мире права и свободы человека в значительной мере вышли за пределы чисто внутренней компетенции государства. Как справедливо пишет Н. И. Матузов, «права человека *внетерриториальны и вненациональны*»². Ученые подчеркивают, что «можно считать новым и существенным обстоятельством современной истории влияние международных правовых норм о правах человека на изменение и, как правило, расширение правового статуса личности в современном правовом общении»³. Требование уважения прав и свобод человека стало общепризнанным принципом международного права, нормой *jus cogens*. Чем целостнее становится мир, тем значительнее влияние, оказываемое на права и свободы человека международными факторами. По мнению А. Агиллара: «Всеобщая декларация прав человека и международные пакты содержат нормы, которые, выделенные из коллективного опыта и общего наследия всех народов мира, представляют собой универсальные стандарты поведения для всех народов и государств»⁴.

Нормы международного права установили ту планку, ниже которой государство в деле установления прав и свобод человека опускаться не может. Именно поэтому весьма важно, чтобы конституционное закрепление элементов академической свободы базировалось на тех требованиях, которые нашли отражения в международных источниках. В контексте рассматриваемой проблематики принципиальное значение имеют положения Всеобщей декларации прав человека (1948) и Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах (1966). В частности, ст. 18 Всеобщей декларации прав человека гарантирует каждому человеку право на свободу мысли, совести и религии; ст. 19 — право на свободу убеждений и на свободное их выражение; ст. 26 — право на образование, которое должно быть направлено к полному развитию человеческой личности и к увеличению уважения к правам человека и основным свободам⁵. Положения Декларации

нашли конкретизацию в Международном пакте об экономических, социальных и культурных правах. В частности, ст. 13 Пакта закрепляет: «Участвующие в настоящем Пакте государства признают право каждого человека на образование. Они соглашаются, что образование должно быть направлено на полное развитие человеческой личности и сознания ее достоинства и должно укреплять уважение к правам человека и основным свободам. Они далее соглашаются в том, что образование должно дать возможность всем быть полезными участниками свободного общества, способствовать взаимопониманию, терпимости и дружбе между всеми нациями и всеми расовыми, этническими и религиозными группами...» Статья 15 Пакта предусматривает обязанность государств уважать свободу, безусловно необходимую для научных исследований и творческой деятельности, и признает пользу, извлекаемую из поощрения и развития международных контактов и сотрудничества в научной и культурной областях⁶.

Рассматривая место академической свободы в системе конституционных прав и свобод, также следует обратить внимание на то положение, которое она занимает среди так называемых поколений прав человека. Это место следует учитывать для того, чтобы правильно определять социально-правовую природу и содержание данного правового института.

Анализ института академической свободы в контексте генерационного подхода позволяет говорить о том, что по своим основным показателям данный феномен имеет наибольшее отношение ко второму поколению прав человека. Вместе с тем отдельные его элементы могут быть отнесены к первому поколению прав человека, определяющему его *status negativus*. Права «первого поколения» имеют абсолютный характер и защищают индивида от произвольного вмешательства со стороны государства. В этом контексте сама академическая свобода, именно как свобода (обучения, преподавания, научных исследований), не допускающая установления государством произвольных ограничений, неразрывно связана именно с первым поколением прав человека. На это, в частности, обращает внимание В. В. Спасская: «Государство не вправе устанавливать какую-

¹ Первый проректор СПбГУП, куратор юридического факультета.

² Матузов Н. И. Теория и практика прав человека в России // Правоведение. 1998. № 4. С. 24.

³ Бадирян Г. М. Права личности: исторические и теоретические аспекты обоснования и признания // Государство и право. 2006. № 6. С. 59.

⁴ Цит. по: Мюллерсон Р. А. Права человека: идеи, нормы, реальность. М., 1991. С. 11.

⁵ См.: Международное публичное право: сб. док. М., 1996. Т. 1. С. 460–464.

⁶ Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах 1966 г. // Бюллетень Верховного Суда РФ. 1994. № 12.

либо философскую, идеологическую или религиозную идею в качестве единственной основы образовательной системы. Любой человек или группа людей вправе использовать свои убеждения в качестве идейной основы для получения образования. В этом состоит «негативная» свобода образования, связывающая право на образование с «первым поколением» прав человека¹.

Наконец, входящие в академическую свободу правовые возможности имеют отношение и к так называемому «третьему поколению» прав человека, к которому традиционно относят коллективные права. Как справедливо отмечает Ян де Грооф, право на образование проявляется как коллективное право людей, реализуется группами единомышленников и поддерживается правительством в интересах основных прав каждого².

Таким образом, будучи по своему содержанию полиструктурной юридической конструкцией, академическая свобода имеет отношение ко всем трем традиционно выделяемым поколениям прав человека, выступая тем самым связующим звеном между основными правами и свободами индивида.

Классическая модель академической свободы сложилась в Германии во второй половине XIX века и получила свое концептуальное обоснование и практическое воплощение в «университете Гумбольдта». В основу проекта университета Гумбольдтом были положены три основных принципа:

— единство науки и преподавания (*die Einheit von Forschung und Lehre*): профессора занимаются научными исследованиями и готовят к этому студентов, присваивают ученые степени, отвечают за поддержание высокого научного уровня университета;

— «свобода учить и учиться» (*Lern- und Lehrfreiheit*): преподаватели самостоятельно определяют содержание читаемых дисциплин, а студенты выбирают изучаемые курсы;

— центральное место в структуре университета принадлежит философскому факультету, выражающему стремление к «чистой науке» (самоценному знанию)³.

Исследуя особенности формально-юридического закрепления академической свободы в России, следует акцентировать внимание на том, что для национальной правовой традиции данное понятие, вплоть до недавнего времени, рассматривалось как сугубо теоретическая конструкция. Объяснением такого отношения является прежде всего то, что на всех этапах исторического развития российского государства научно-образовательная система была не только «государственно ориентированной

и подотчетной», но и «государственно образуемой». Если на Западе университеты изначально имели статус самоорганизующихся корпораций, основанных на объединении субъективных интересов преподавательско-студенческого сообщества и органов муниципального (городского) самоуправления, то в России рождение университетов и академии наук непосредственным образом связано с «государевой (монаршей) волей».

Интересно, что в условиях отсутствия легальной академической свободы российские университеты практически сразу же становятся центрами «вольнодумства», что объясняется изначальной несводимостью механизмов управления образованием и наукой к жестким властно-распорядительным императивам. Неслучайным является и то, что период создания в империи университетской системы по сути совпадает с началом системной революционной деятельности, направленной на свержение государственного режима имперского абсолютизма.

Революция 1917 года, разрушив механизм монархического правления, не только не привела к демократизации общественных отношений, но напротив, стала инструментом формирования в стране режима, исключающего инакомыслие во всех сферах (естественно, в первую очередь в научной и образовательной областях) общественной жизни. В СССР образование и наука строились в соответствии с коммунистической идеологией и находились под жестким партийным контролем. Вузы, профессорско-преподавательский состав, студенты рассматривались сугубо в инструментальном аспекте, как элементы государственного механизма, объединяемые в своей деятельности публичными интересами общего дела — стремлением к победе коммунизма. Естественным, что такой подход исключал проявление свободы со стороны каких бы то ни было субъектов научно-образовательных отношений.

Современная Россия, находясь на очередном переходном этапе своей истории, декларирует и на законодательном (в том числе на конституционном) уровне закрепляет приверженность к общедемократическим ценностям. Одной из таких ценностей является академическая свобода, которой в современной России отводится важная функциональная роль в системах науки и образования.

Таким образом, академическая свобода постепенно утверждает себя и в России в качестве одного из важных элементов в ряду универсальных ценностей мировой культуры.

¹ Спасская В. В. Право на образование как источник образовательных отношений // Правоведение. 2006. № 3. С. 83. См. об этом также: Кайгородцева Е. И. Основные причины закрепления свободы преподавания в Конституции РФ // Юридическое образование и наука. 2006. № 2.

² См.: Спасская В. В. Указ. соч. С. 89–90.

³ См.: Волосникова Л. М. Гумбольдтова модель университета и академическая свобода // Вестник Тюменского гос. ун-та. 2006. № 4. С. 249–250.